ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕРОДИАН

ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ ПОСЛЕ МАРКА

КНИГИ I—VIII

HERODIANI AB EXCESSU DIVI MARCI

LIBRI OCTO

(Продолжение)

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Переводчики: *А. И. Доватур* (кн. I—II), *Н. М. Ботвинник* (кн. III), *А. К. Гаврилов* (кн. IV), *В. С. Лурье* (кн. V), *Ю. К. Поплинский* (кн. VI), *М. В. Скржинская* (кн. VII), *Н. В. Шебалин* (кн. VIII)

Под редакцией *А. И. Доватура*

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

КНИГА IV

1 (1) О том, что происходило при Севере, правившем в течение восемнадцати лет, рассказано в предыдущей книге. А его сыновья, взрослые молодые люди, вместе с матерью спешили в Рим, ссорясь друг с другом уже в пути. Вместе они не останавливались и за одним столом не ели — слишком сильно было подозрение, что другой первым, сам ли, или подговорив слуг, успеет тайком отравить каким-нибудь губительным ядом еду или питье другого. (2) Тем больше они торопились: каждый думал, что опасность уменьшится, как только они окажутся в Риме и разделят дворец пополам; в этом обширном и многолюдном жилище, которое больше целого города, каждый сможет жить сам по себе, как ему вздумается.

(3) Когда они прибыли в Рим, народ встретил их, неся лавровые ветви, а сенат приветствовал их. Облаченные в императорскую порфиру, они шли впереди; вслед за ними, неся сосуд с прахом Севера, шли те, кто отправлял в этот год должность консулов. Приветствовавшие юных государей, проходя мимо, склонялись и перед сосудом. (4) И вот, проводив его и пройдя впереди торжественного шествия, они поставили его в храме, где и теперь показывают священные усыпальницы Марка и государей, что были до него. Совершив положенные священнодействия, они императорским ходом вошли в императорский дворец. (5) Разделив его, они стали жить там оба, забив наглухо все проходы, которые были не на виду; только дверьми, ведущими на улицу и во двор, они и пользовались свободно, причем каждый выставил свою стражу; если они и сходились вместе, то ненадолго и лишь для того, чтобы хоть иногда показаться вместе публично. Прежде всего они оказали почести своему отцу.

2 (1) Есть у римлян обычай: причислять к сонму богов тех императоров, что умерли, оставив после себя детей-преемников; такие почести называются у них апофеозом. Во всем городе наступает тогда торжественный, проникнутый, впрочем, своеобразной печалью праздник. (2) Тело покойного предается земле — с пышностью, но в общем так же, как хоронят всех людей; а потом лепят из воска изображение покойного, совершенно с ним схожее, и выставляют его при входе во дворец на огромном и высоко поднятом ложе из слоновой кости, устланном покрывалами с золотым шитьем. Восковая фигура лежит на виду у всех, бледная, как больной. (3) А по обеим сторонам ложа бóльшую часть дня сидят: слева — весь сенат в черном, а справа — все те женщины, которые пользуются особым уважением благодаря заслугам их мужей и отцов. На них нет золотых украшений и ожерелий; одетые в простые белые одежды, они имеют вид скорбящих. (4) Это длится семь дней; приходят врачи, каждый раз приближаются к ложу, будто бы осматривают больного, и каждый раз говорят, что ему все хуже. А когда станет ясно, что он уже умер, благороднейшие из всаднического сословия и лучшие молодые люди из сената поднимают ложе, несут его

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

по Священной дороге и выставляют на старом форуме — там, где обычно слагают с себя полномочия римские должностные лица. (5) По обеим сторонам ложа устроены помосты, располагающиеся уступами,— нечто вроде лестниц. И вот по одну сторону становится хор детей из самых благородных патрицианских семейств, а напротив них — хор из тех женщин, чье достоинство признается всеми; оба хора поют посвященные умершему гимны и пеаны, звучание которых скорбно и величаво. (6) После этого, взяв ложе на плечи, его несут за пределы города, на поле, называемое Марсовым. Там, в самом широком месте, уже стоит своеобразное строение: четырехугольное, с равными сторонами, состоящее исключительно из скрепленных между собою огромных бревен — что-то вроде дома. (7) Внутри оно все заполнено хворостом, а снаружи украшено расшитыми золотом коврами, статуями из слоновой кости и разнообразными картинами. На первом, нижнем строении стоит второе, такой же формы и с такими же украшениями, только меньше первого; воротца и дверцы, сделанные в нем, распахнуты. Дальше идут третье и четвертое, каждое меньше расположенного под ним, и все это заканчивается последним, которое меньше всех других. (8) Эту постройку, пожалуй, можно сравнить с маяком, который сооружен у гавани, чтобы по ночам своими огнями вести корабли в безопасное для них пристанище; «фаросами» называют в народе такие маяки. Поднеся сюда ложе, его ставят во второе снизу строение; сюда же несут благовония и пахучие растения, какие только рождает земля, будь то плоды, травы или соки, все вместе дающие сильный и прекрасный запах; ссыпают их прямо горой — (9) ведь нет такой провинции и города или высокопоставленного и почетного гражданина, которые не постарались бы прислать такие дары для воздаяния императору последних почестей. Когда вырастет целая гора из благовоний и вся окрестность наполнится ароматом, начинается конный парад перед погребальным строением, причем конница объезжает его на рысях, соблюдая строй и порядок в ритме и стиле пиррихи. (10) Точно так же происходит объезд колесницами, на которых стоят одетые в тоги с пурпурной каймой и в масках, изображающих прославленных римских полководцев и государей. Когда совершено и это, преемник императора, взяв факел, подносит его к зданию, и другие тоже со всех сторон подходят с огнем. Все это очень быстро загорается, тем более что нанесено было столько хворосту и благовоний. (11) Из последнего, самого небольшого строеньица, как бы преодолев преграды, вылетает орел, чтобы вместе с огнем унестись в небесный эфир. Римляне верят, что он уносит на небеса душу императора, которого с этих пор они почитают наравне с другими богами.

3 (1) Совершив обожествление отца такими почестями, сыновья вернулись во дворец и с этой поры стали враждовать в открытую [1] и с ненавистью строить друг другу козни; (2) каждый делал все, что мог, лишь бы как-нибудь освободиться от брата и получить в свои руки всю власть. Соответственно с этим разделились мнения всех тех, кто снискал себе какое-нибудь положение и почет в государстве: ведь каждый из них тайно рассылал письма и старался склонить людей на свою сторону, не скупясь на обещания. Большинство склонялось к Гете, потому что он производил впечатление порядочности: проявлял скромность и мягкость по отношению к лицам, к нему обращавшимся, занимался обычно более серьезными делами, (3) приближал к себе тех, кого хвалили за образованность, и охотно упражнялся в палестре и гимнасиях, как это прилично свободному человеку. Относясь к своему окружению добропорядочно и по-человечески,

[1] Слова «в открытую» (ἤδη φανερῶς) вставлены в текст Шварцем (см. критический аппарат у Ставенгагена).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

он благодаря своей доброй славе приобрел себе большее число преданных и дружественных людей. (4) Антонин же во всем выказывал жесткость и раздражительность; не обладая свойствами Геты, о которых мы сказали выше, он особенно охотно выставлял себя любителем походной и воинской жизни. А поскольку он во всем проявлял свой буйный нрав и больше угрожал, чем убеждал, то и друзьями его становились скорее из страха, чем от доброго к нему расположения.

Этих-то братьев, враждовавших во всем, вплоть до совершенных мелочей, попыталась было свести их мать. (5) Надумали они как-то поделить между собой державу — именно для того, чтобы не злоумышлять друг против друга, оставаясь в Риме вместе. Собрав друзей отца, в присутствии матери, они решили разделить империю так, что Антонин получал всю европейскую часть, а материк, лежащий напротив и называемый Азией, отходил к Гете; (6) как раз так, говорили они, разделило материки водами Пропонтиды само божественное провидение. Они хотели, чтобы Антонин стал лагерем в Византии, а Гета — в Халкедоне Вифинском, с тем чтобы эти друг против друга лежащие лагеря охраняли державу каждого и не давали переходить из одной части в другую. В отношении сената было решено, что все сенаторы-европейцы останутся на месте, а с Гетой пойдут сенаторы родом из тех областей. (7) Гета говорил, что Антиохия или Александрия (по величине, считал он, они мало уступают Риму) достойны того, чтобы стать столицей его империи. Из южных народов мавританцы, нумидийцы и жители соседних с ними областей Ливии должны быть переданы Антонину, а все остальное до самого Востока — принадлежать Гете. (8) В то время как они живописали все это, присутствующие мрачно потупились, а Юлия сказала так: «Дети, вы изобрели способ поделить землю и море; Понтийский проток — говорите вы — разделяет материки; но как вы поделите мать? Что же мне, несчастной, разорваться? Или вы разорвете меня на части? Тогда уж сначала убейте меня, и пусть каждый возьмет себе свою долю и у себя схоронит ее. Раз вы делите моря и сушу, поделите таким вот образом и меня». (9) Так она сказала, с плачем и стонами, и, обняв их обоих, притянула к себе, пытаясь хоть как-нибудь свести их. Глядя на это, все расчувствовались, собрание разошлось, а соглашение не состоялось. Оба ушли во дворец, каждый на свою половину.

4 (1) А ненависть и соперничество росли. Нужно ли назначать начальников или должностных лиц — каждый хочет поставить своего; творят ли суд — придерживаются противных мнений, иногда на погибель подсудимым: страсть к раздору была в них сильнее стремления к справедливости. На зрелищах они сочувствовали разным сторонам. (2) Они уже перепробовали все виды коварств, пытались договориться с виночерпиями и поварами, чтобы те подбросили другому какой-нибудь отравы. Но ничего у них не выходило, потому что каждый был начеку и очень остерегался. Наконец, Антонин не выдержал: подстрекаемый жаждой единовластия, он решил действовать мечом и убийством — что бы там ни было. (3) Видя, что тайные козни не приводят к успеху, он счел необходимым опасный и отчаянный способ действий...[2] из любви к ней и злобы к нему. Облив кровью грудь матери, раненный смертельно, Гета расстался с жизнью. А Антонин, осуществив убийство, выскакивает из спальни и бежит через весь дворец, крича, что он едва спасся, избежав величайшей опасности. (4) Воинам дворцовой стражи он велит, чтобы они без промедления проводили его в лагерь, где под охраной у него будто бы есть еще надежда спастись; оставаться здесь во дворце — значит идти на верную гибель. Не зная, что произошло там внутри, те поверили и, так как он бежал

[2] В тексте лакуна. См. критический аппарат у Мендельсона.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

без оглядки, все выбежали вслед за ним. Пришел в смятение и народ, видя, как император на ночь глядя бегом бежит через весь город. (5) Оказавшись в лагере и в храме, где преклоняются перед войсковыми значками и статуями, он, бросившись на землю, стал давать благодарственные обеты и приносить жертвы за свое спасение. Когда об этом объявили воинам, из которых одни еще мылись, а другие уже отдыхали, все они, пораженные, сбежались к нему. (6) Он, выступив перед ними, не стал прямо рассказывать, что собственно произошло, а кричал только, что избежал опасности и козней заклятого врага, разумея своего брата, что в тяжкой борьбе елеле осилил врагов, что под угрозой были они оба, и в его лице милостивая судьба сохранила хотя бы одного государя. Так вот косвенно пояснял он дело, скорее не желая высказать правду, чем желая скрыть ее. (7) Тут же он обещает за свое спасение и единовластие выдать каждому воину по две тысячи пятьсот аттических драхм, а также в полтора раза увеличить получаемое ими довольствие. Он велит им, разойдясь отсюда, сразу получить эти деньги из храмов и казнохранилищ, в один день безжалостно расточив все то, что Север восемнадцать лет копил и сохранял, причиняя несчастья другим. (8) Услыхав о таких суммах и сообразив, что произошло (да и бежавшие из самого дворца разгласили убийство), воины объявляют, что он один император, а Гету называют врагом.

5 (1) Проведя эту ночь в лагерном храме, набравшись смелости и приручив армию своими раздачами, Антонин отправляется в сенат со всем войском, более вооруженным, чем это в обычае при сопровождении государя. Войдя внутрь и совершив жертвоприношения, он взошел на императорский трон и сказал так: (2) «Я хорошо знаю, что убийство кого-нибудь из родных, стоит лишь услышать о нем, всякий раз вызывает отвращение; само это слово, произнесенное вслух, несет с собой тяжкое обвинение. На долю пострадавших выпадает сочувствие, на долю победителей — зависть; дело представляется так, будто побежденные пострадали от несправедливости, а победившие — совершили ее. (3) Однако стоит только рассмотреть это дело беспристрастно и не судить о случившемся из предрасположения к убитому, но исследовать причины и характер самого дела, чтобы убедиться в том, как благоразумно и единственно правильно поступает тот, кто, находясь под угрозой беды, предпочитает не ждать, а защищаться; за поражением павшего следует еще и осуждение его в трусости, а победивший, кроме того, что спасся, обретает еще и славу за свое мужество. (4) Прибегнув к расследованию, вы можете точно узнать, сколько раз он покушался на меня, пуская в ход губительные яды и всяческие ухищрения; я распорядился, чтобы здесь присутствовали его слуги,— так что вы можете сами установить истину. Есть среди них и такие, которых уже допросили; вы можете заслушать запись допроса. А под конец, когда я был у матери, он напал на меня, приведя с собой людей, нарочно подготовленных на этот случай. (5) Проницательно и живо сообразив, в чем дело, я стал защищаться от него как от врага — ведь он уже и относился ко мне, и поступал не как брат. А ведь защищаться от нападающих не только справедливо, но и естественно. Сам Ромул, основатель этого города, не стерпел от родного брата насмешки над его делами. (6) Не говорю уже о Германике — брате Тиберия, Британике[3] — брате Нерона и о Тите — брате Домициана. Даже Марк, рядившийся в философа и скромника, не снес дерзости своего зятя Люция и с помощью хитрости избавился от него. Так вот, когда против меня готовили всякие зелья, когда надо мной нависал меч, я защитился от врага — именно такое прозвание он заслужил

[3] Мендельсон и Ставенгаген принимают не вызывающее сомнения дополнение Зильбурга: τὸν Τιβερίου καὶ Βρεταννικόν.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

своими делами. (7) Вы же прежде всего должны благодарить богов за то, что они спасли для вас хоть одного из государей; пора прекратить раздор в своих душах и мнениях, глядеть всем на одного и впредь жить без заботы. Зевс и сам один правит богами, одному вручает он и власть над людьми». Он говорил это, срываясь на крик, полный гнева, бросая сумрачные взгляды на друзей брата; оставив почти всех дрожащими и бледными, он поспешил во дворец.

6 (1) В скором времени были убиты все близкие и друзья брата, а также и те, кто жил во дворце на его половине; слуг перебили всех; возраст, хотя бы и младенческий, во внимание не принимался. Откровенно глумясь, трупы убитых сносили вместе, складывали на телеги и вывозили за город, где, сложив их в кучу, сжигали, а то и просто бросали как придется. (2) Вообще погибал всякий, кого Гета хоть немного знал. Уничтожали атлетов, возниц, исполнителей всякого рода музыкальных произведений — словом, всех, кто услаждал его зрение и слух. Сенаторов, кто родовит или побогаче, убивали по малейшему поводу или и вовсе без повода — достаточно было для этого объявить их приверженцами Геты. (3) Сестру Коммода, уже старуху, в которой все императоры чтили дочь Марка, Антонин убил, вменив ей в вину, что она всплакнула вместе с Юлией, когда та потеряла сына. Он убил и ту, что была дочерью Плавтиана [4], а его женой и находилась в Сицилии; и двоюродного своего брата, носившего имя Севера, сына Пертинакса; сына Люциллы, сестры Коммода, — вообще всех, кто принадлежал к императорскому роду, а в сенате — происходил из патрициев. Он засылал своих людей и в провинции, чтобы истреблять тамошних правителей и наместников как друзей брата. Каждая ночь несла с собой убийства самых разных людей. Жриц Весты он заживо зарывал в землю за то, что они якобы не соблюдают девственность. Вот, наконец, и еще одно, совершенно неслыханное дело: был он на конных скачках, и случилось так, что народ чуть посмеялся над возницей, к которому он был особенно расположен; приняв это за оскорбление, он велит воинам броситься на народ, вывести и перебить всех, кто дурно говорил о его любимце. Воспользовавшись тем, что представляется случай насильничать и грабить, вовсе не разбирая, кто там зачинщики (да и невозможно было определить это в такой толпе, тем более что никто не стал признаваться), воины беспощадно отводили и убивали первых попавшихся; а если некоторых щадили, то отобрав в качестве выкупа все, что у них было.

7 (1) Вот что он творил, когда и понимание дел, и неприязнь к городской жизни побудили его выехать из Рима, чтобы заняться лагерями и ознакомиться с провинциями. (2) Отправившись из Италии и остановившись на берегах Истра, он стал управлять северными областями своей державы; чтобы упражнять свое тело, он много занимался ездой на колесницах и избиением разных зверей с близкого расстояния: гораздо меньше внимания уделял он суду, где, впрочем, проявлял способность скоро разобраться в существе дела и метко отвечать на речи других. (3) Всех тамошних германцев он расположил к себе и вступил с ними в дружбу: кое-кого из них брал к себе в отряды и в личную свою охрану, предварительно отобрав самых бравых и цветущих. Часто, сняв с себя римский плащ, он менял его на германскую одежду, и его видели в плаще с серебряным шитьем, какой носят сами германцы. Он накладывал себе светлые волосы и зачесывал их по-германски. (4) Варвары радовались, глядя на все это, и любили его чрезвычайно. Римские воины тоже не могли нарадоваться на него, особенно благодаря тем прибавкам к жалованью, на ко-

[4] В эксцерптах Иоанна Антиохийского (VII в. н. э.) здесь дается ее имя — Плавтия.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

торые он не скупился, а еще и потому, что он вел себя совсем как воин: первый копал, если нужно было копать рвы, навести мост через реку или насыпать вал, и вообще первым брался за всякое дело, требующее рук и телесного усилия. (5) У него был простой стол; случалось, что для еды и питья он пользовался деревянной посудой. Хлеб ему подавали своего изготовления: он собственноручно молол зерно — ровно столько, сколько нужно было на него одного, замешивал тесто и, испекши на углях, ел. (6) От всего дорогостоящего он воздерживался; пользовался только самым дешевым, тем, что доступно и беднейшему воину. Он старался создать у воинов впечатление, что ему очень приятно, когда его называют не государем, а боевым товарищем. В походах он чаще всего шел пешим, редко садился в повозку или на коня; свое оружие он носил сам. (7) Случалось, он на своих плечах нес значки легиона, огромные, да еще щедро украшенные золотом, так что самые сильные воины едва могли нести их. Благодаря этим и другим такого рода поступкам в нем полюбили воина; его выносливость вызывала восхищение; да и как было не восхищаться, видя, что такое маленькое тело приучено к столь тяжким трудам.

8 (1) Когда он управился с лагерями на Истре и перешел во Фракию, что по соседству с Македонией, он сразу обернулся Александром, всячески освежал память о нем и велел во всех городах поставить его изображения и статуи, а Рим прямо наводнил статуями и изображениями, поставив их в Капитолии и в других храмах,— в знак связи своей с Александром. (2) Нам довелось кое-где видеть и смехотворные изображения: нарисовано одно тело, а в круге, рассчитанном на голову одного человека, по половине лица каждого: одна от Александра, другая — от Антонина. Появлялся он, имея вид македонца, нося на голове белую широкополую шляпу, а ноги обув в сапожки. Отобрав юношей и отправившись с ними в поход, он стал называть их македонской фалангой, а их начальникам роздал имена полководцев Александра. (3) Юношей, которых он набрал из Спарты, он называл лаконским и питанатским лохом.

Совершив все это и, насколько это было возможно, приведя в порядок дела в городах, он устремился в Пергам Асийский, потому что ему захотелось воспользоваться целебной силой Асклепия. Прибыв туда и вдоволь насмотревшись снов, Антонин отправился в Илион. (4) Обойдя развалины города, он пришел к могиле Ахилла, роскошно украсил ее венками и цветами и отныне стал подражать Ахиллу. В поисках какого-нибудь Патрокла он затеял вот что. Был у него любимец-вольноотпущенник по имени Фест, состоявший при нем в секретарях. Так вот этот Фест умирает как раз тогда, когда Антонин был в Илионе; поговаривали, что он был отравлен для того, чтобы можно было устроить погребение наподобие Патроклова; другие, правда, говорили, что он умер своей смертью. (5) Антонин велит принести труп и разложить большой костер; затем, положив его посередине и заклав разных животных, он сам зажег костер, взял чашу и, совершая возлияние, обратился с молитвой к ветрам [5]. Волосами он был весьма беден; поэтому когда он хотел бросить в огонь локон, то вызвал общий смех: он отрезал все волосы, какие у него только были [6]. Как полководцев он больше всех прочих восхвалял римлянина Суллу и ливийца Ганнибала и поставил их статуи и изображения. (6) Отправившись из Илиона через остальную Азию, Вифинию и прочие области и сделав там, что было нужно, он прибыл в Антиохию. Пышно принятый, он прожил там некоторое время, а затем направился в Александрию под тем предлогом, что он давно тоскует по этому городу, основанному Александром, и хочет

[5] Ср. описание похорон Патрокла: Илиада, XXIII, 140 слл.

[6] Слова Πλην... απεκείρετο, толкование которых вызывает некоторые затруднения, отсутствуют в части рукописей.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

прийти за помощью к тому богу, которого они столь исключительно почитают: (7) он чрезвычайно старательно выставлял и свое поклонение божеству, и свою память о герое. Он велит готовить гекатомбы и всяческие жертвоприношения. Когда об этом узнали александрийцы, которые от природы очень непостоянны во мнениях и приходят в сильное движение по малейшему поводу, они чрезвычайно были обрадованы рвению и благосклонности к ним императора. (8) Ему была приготовлена такая встреча, какой, как говорят, никогда не видал ни один государь: находившиеся повсюду всевозможные музыкальные инструменты производили красочное звучание; курящийся фимиам и душистые травы распространяли аромат у входа в город; государя почтили факельными шествиями, его забрасывали цветами. (9). Въехав в город в сопровождении всего своего войска, он прежде всего, войдя в храм, принес там многие гекатомбы и бросал ладан на алтари; затем посетил гробницу Александра и, сняв с себя пурпурный плащ, перстень с драгоценными камнями, пояса и все, что только на нем было ценного, возложил их на гроб Александра.

9 (1) Видя это, народ очень радовался; праздновали даже и ночью, и никто не знал о тайном умысле императора, который разыгрывал все это, а между тем желал крепко проучить жителей этого города. Причиной тайной его ненависти было вот что: (2) еще в Риме, при жизни брата, и потом, после его убийства, Антонину сообщали, что александрийцы всячески посмеиваются над ним. Они и правда очень насмешливы и умеют вышучивать метко и тонко, причем целят всегда в людей могущественных; насмешникам это кажется забавным, но тем более сильно оскорбляет это тех, кого они высмеивают: ведь в таких вещах более всего задевает как раз то, что обличает действительные пороки. (3) Так они острословили над тем, что он уничтожил брата; Юлию, уже пожилую, называли Иокастой; то, что он очень мал ростом, а подражает Александру и Ахиллу — величайшим, благороднейшим героям, тоже потешало их. Такие, как казалось им, шутки привели к тому, что Антонин, человек кровожадный и злобный, замыслил свирепую и коварную месть. (4) Справив вместе с ними это всенародное празднество и видя, что город переполнен народом — здесь были не только горожане, но и люди со всей округи, он дает письменное распоряжение, чтобы вся молодежь вышла в одно поле, и поясняет, что кроме имеющихся у него македонской и спартанской он хочет и в честь Александра набрать фалангу, которая носила бы имя героя. (5) Он велит всем юношам стать рядами, так чтобы он мог подойти и осмотреть каждого — каких он лет, роста и каков здоровьем, столь необходимым для несения воинской службы. Поверив его обещаниям — они казались тем более правдоподобными, что перед этим он так почтил их город,— все юноши пришли туда вместе с родителями и братьями, которые тоже с радостью разделяли их надежды. (6) Антонин обходил ряды, притрагивался к каждому и каждого хвалил, всякий раз по-новому, а они по беспечности и не заметили, как целое войско окружило их. Когда он убедился, что они находятся в кольце вооруженных воинов и попались, как рыбы в невод, он, завершив обход [7], вместе со своей стражей незаметно выбирается из кольца, а солдаты по данному им знаку нападают сразу со всех сторон на эту молодежь и, вооруженные, избивают безоружных, оказавшихся посредине; заодно убивали всякого, кто попадался под руку. (7) Пока одна часть воинов занималась избиением, другие рыли огромные рвы, стаскивали и сбрасывали туда убитых, наполняя рвы телами. Потом их засыпали землей, и очень скоро получилась огромная общая могила. Многих тащили еще полужи-

[7] Слова «завершив обход», буквально «обойдя всех» (ἐπελθὼν πάντας) Мендельсон, а за ним Ставенгаген исключает из текста; основанием для этого (едва ли достаточным) служит отсутствие их в переводе Полициано.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

выми, закапывали вместе с другими и тех, кто вовсе не получил ранений. (8) Заодно погибло немало воинов, потому что те, кого сбрасывали еще живыми и кто имел хоть сколько-нибудь силы, хватали их и увлекали вслед за собой. Смертоубийство было такое, что кровь потоками текла по этой равнине, а огромное низовье Нила и все побережье близ города были окрашены кровью. Так поступив с городом, он оставил его и прибыл в Антиохию.

10 (1) В скором времени он захотел получить прозвание Парфянского и поразить римлян известиями о покорении варваров Востока; а поскольку в это время царил глубокий мир, он придумал вот что. Он пишет парфянскому царю (имя его было Артабан) и шлет к нему послов с разнообразными дарами искусной работы. (2) В письме его говорилось, что он хочет взять в жены дочь царя, потому что неприлично ему, императору и сыну императора, стать зятем какого-нибудь простого и неприметного человека, но подобает взять в жены царевну, дочь великого царя, что две их державы — Римская и Парфянская — величайшие в целом мире, объединенные же благодаря такому браку, уже не разделенные, как прежде, они образуют единую непобедимую державу: (3) ведь те варварские народы, которые еще не подвластны им [8], могут быть легко покорены, поскольку они образуют отдельные племена и союзы; ведь у римлян непобедимая пехота, особенно сильная в близком бою, когда в дело идут копья, а парфяне славны своей конницей и меткой стрельбой из лука. (4) Стоит им объединиться, как в их руках окажется все, что необходимо для успеха в войнах, и под одной диадемой они без труда станут владыками всего обитаемого мира. Благоуханные травы, растущие у парфян, их знаменитые ткани, с другой же стороны, римские изделия из металла и другие превосходные произведения ремесла — все это купцы не станут, как раньше, ввозить с трудом, в малом количестве и тайно; теперь, когда будет одна земля и одна власть, пользование всем этим станет общим и беспрепятственным для обеих сторон. (5) Получив письмо, парфянский царь сначала возражал, ссылаясь на то, что римлянину не пристало брать в жены дочь варвара. Они говорят на разных языках — легко ли им будет найти общий? И одежда, и образ жизни — все у них разное. А ведь у римлян немало родовитых людей, среди дочерей которых император может выбрать себе супругу; у парфян же на то есть Арсакиды. Стоит ли, чтобы от законного брака произошли незаконные дети?

11 (1) Сначала он отделывался посланиями в таком роде; но поскольку Антонин настаивал и подтверждал свое расположение и стремление к этому браку, не жалея ни подарков, ни клятв, варвар, наконец, уверовал, пообещал выдать за него свою дочь и стал называть своим зятем. Когда молва об этом разошлась, варвары стали готовить все для приема римского государя и радовались в надежде на вечный мир. (2) Беспрепятственно перейдя реки, Антонин вступил в парфянскую землю, как будто в свою собственную, причем повсюду для него совершали жертвоприношения, украшали венками алтари, подносили благовония и курения, и Антонин делал вид, что варвары этим очень угодили ему. Когда, продвигаясь вперед, он прошел уже большую часть пути и приближался к резиденции Артабана, царь, не дожидаясь его, вышел в поле на подступах к городу, чтобы там

[8] «Которые еще не подвластны им» — текст в этом месте испорчен. Рукописное чтение ὅσα νῦν ὑπὸ ταῖς τούτων βασιλείαις («которые теперь под властью их государств») смысла не дает. До изданий Ставенгагена принималась конъектура Берглера, заменившего слово νῦν словом μὴ (получился текст, по которому сделан наш перевод). Менее приемлемым представляется текст Ставенгагена, принявшего конъектуру Шварца ὅσα νῦν ἐπι⟨κεῖσθαι⟩ ταῖς τούτων βασιλείαις («которые теперь соседят с их царствами» или «которые теперь теснят их царства»).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

встретить жениха дочери и своего зятя. (3) Варваров было много, все они были в венках из цветов, растущих в тех землях, и в одежде, расшитой золотом и пестро разукрашенной; они ликовали, в лад подпрыгивая под звуки флейты и сиринги, под удары тимпанов; они ведь любят этот своеобразный танец, особенно когда порядочно напьются. (4) Собравшись все вместе и сойдя с коней, они отложили в сторону колчаны и луки и занялись возлияниями и кубками. Так вот, собралось великое множество варваров, и все они стояли в беспорядке, как попало, не ожидая ничего дурного и думая лишь о том, как бы получше разглядеть жениха. (5) Тут Антонин дает своему войску знак напасть на варваров и убивать их. Те, придя в смятение от такого оборота дела, принимая удары и получая раны, обратились в бегство. Сам Артабан, подхваченный окружавшими его телохранителями и посаженный на коня, едва ускользнул с горсткой своих. (6) Всех остальных варваров перебили, потому что с ними не было коней, к которым они очень привыкли (они ведь сошли с коней и пустили их пастись), и бежать они не могли, потому что широкая у ног одежда мешала им. (7) Луков и колчанов при них не было — зачем они им были на свадьбе? Учинив варварам такое побоище и взяв добычу и множество пленников, Антонин беспрепятственно отправился назад, сжигая города и деревни, разрешая воинам грабить все, что только кто сможет, и брать то, что ему хочется иметь. (8) Вот какая беда неожиданно приключилась с варварами. Пройдя большую часть парфянской земли, когда уж и сами воины утомились от грабежа и убийства, Антонин отправился в Месопотамию. Прибыв туда, он шлет римскому сенату и народу весть о том, что весь Восток покорен и что все тамошние царства подчинились ему. (9) Сенат, который был прекрасно осведомлен обо всех этих событиях (ведь не могут деяния государя оставаться неизвестными), из страха и лести выносит решение оказать ему все почести по случаю победы. После этого Антонин жил в Месопотамии, занимаясь ездой на колеснице и охотой на разных зверей.

12 (1) Были у него два префекта претория, один, по имени Адвент [9], совсем уже старик, совершенно чуждый каким-либо государственным делам и несведущий в них, зато имевший славу настоящего воина; а другой, его звали Макрин, чрезвычайно опытный в судебных делах и особенно сведущий в законах. Над ним Антонин то и дело насмехался публично, говоря, что он не воин и ни на что не годен. Дошло до совершенного глумления: (2) прослышав, что Макрин ведет свободный образ жизни и брезгует дурной и негодной пищей и питьем, которыми Антонин как истинный воин конечно же наслаждается, видя его одетым в короткий плащ или в другую сколько-нибудь изящную одежду, Антонин стал злословить, что тот не мужествен и страдает женской слабостью; при этом он всегда грозился убить его. Макрин тяжело переносил это и очень негодовал. (3) А тут произошло еще нечто, отчего жизнь Антонина должна была оборваться. Слишком любопытный, Антонин хотел знать не только все то, что касается людей, но и заглянуть также и в область божественного и сверхъестественного. Вечно подозревая во всех заговорщиков, он непрестанно вопрошал оракулы, посылал повсюду за магами, звездочетами, гадателями по внутренностям животных, так что не пропустил ни одного из тех, кто берется за такую ворожбу. (4) Подозревая, однако, что они из угодничества не говорят ему правды, он пишет некоему Матерниану, которому он тогда вверил все дела в Риме и который слыл вернейшим его другом и единственным, кто был посвящен в его тайны. Он велит Матерниану разыскать

[9] Имя этого префекта дается в рукописях в разных формах: Авдент, Авден, Адвентий (у Полициано — Авдентий).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

лучших магов, чтобы вызвать умерших и разузнать о конце его жизни, а также не покушается ли кто на его власть. (5) Матерниан без всяких опасений выполняет повеление государя и сообщает, что на власть покушается Макрин и что необходимо убрать его — неизвестно, действительно ли так вещали духи или он вообще подкапывался под Макрина. (6) Это письмо, запечатав вместе с другими, он, как всегда, вручает для доставки людям, не знающим, какую весть они несут. Те, с обычной скоростью проделав путь, прибывают к Антонину как раз, когда он в снаряжении возницы поднимался на колесницу, и передают ему всю связку, где было и письмо против Макрина. (7) Антонин, сосредоточенный и захваченный предстоящей скачкой, велит Макрину отойти в сторону и, уединившись, просмотреть письма; если там есть неотложные дела, доложить ему, если же таких нет, то обычными заняться самому как префекту (Антонин часто обращался к нему с таким поручением). Так распорядившись, он вернулся к своему занятию. (8) Макрин же, оставшись один, вскрывая письмо за письмом, прочитывает и то, смертоносное, и сразу понимает, какая опасность ему грозит. Представляя себе кровожадную ярость Антонина от такого письма, которое станет для него прекрасным предлогом, он уничтожает это письмо, а об остальных сообщает, что они обычные.

13 (1) Боясь, как бы Матерниан не написал того же во второй раз, он предпочел действовать, а не ждать. Вот на что он решается. Был некий центурион из личной стражи Антонина, постоянно сопровождавший государя; имя ему было Марциалий. Так вот, прошло всего несколько дней после того, как Антонин казнил брата этого Марциалия по клеветническому и оставшемуся недоказанным обвинению; и над самим Марциалием Антонин издевался, говоря, что он не мужчина, что он трус и Макринов дружок. (2) Зная, что он скорбит об убитом брате и задет издевками Антонина, Макрин посылает за ним; совершенно в нем уверенный (Марциалий давно уж служил у Макрина и получил от него немало благодеяний), он убеждает его выждать удобный случай и нанести удар Антонину. И Марциалий поддается на уговоры Макрина, а так как он и без того был полон ненависти и стремился отомстить за брата, он с радостью соглашается сделать все, как только случай представится.

(3) После этого сговора вскоре случилось так, что Антонин, живший в то время в Месопотамии, в Каррах, захотел выехать из своего дворца и отправиться в храм Луны, чрезвычайно почитаемый жителями той земли. Храм этот стоит далеко от города, так что это целое путешествие. Не желая утомлять свое войско, он взял с собой небольшой отряд всадников, и они тронулись в путь, чтобы, принеся жертвы богине, вернуться обратно. (4) На середине пути у Антонина заболел живот, и он, распорядившись, чтобы все стали подальше, берет одного слугу и отходит в сторону, чтобы освободиться от того, что его беспокоило; так что все повернулись и отошли как можно дальше, проявляя почтительность и стыдливость перед происходящим. (5) Марциалий, выжидавший первого удобного случая, видя, что Антонин остался один, бежит к нему, будто бы по знаку государя, чтобы сказать или выслушать что-то; подойдя к нему сзади как раз в то время, когда тот снимал с бедер одежду, он наносит удар кинжалом, который незаметно держал в руках. Удар под ключицу был верный; так Антонин оказался беззащитным и был неожиданно убит. (6) Когда он упал, Марциалий, прыгнув на коня, бежал. А всадники-германцы, которых Антонин любил и держал в своей личной охране, стоя сейчас ближе всех других, первые заметили происшедшее, бросились в погоню за ним и убили его, кидая свои дротики. (7) Когда о случившемся узнало и остальное войско, все сбежались сюда, и первым сам Макрин, стоя над трупом, рыдал, будто пораженный горем. Все войско скорбно и тяжко переносило случившееся:

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

они считали, что потеряли в нем соратника и товарища в трудах, а не правителя. Макрина никто и не подозревал в коварстве, все считали, что это Марциалий отомстил за свою обиду. (8) Потом все разошлись по своим палаткам; а Макрин, предав огню останки, заключив прах в сосуд, послал его для погребения матери, жившей в Антиохии. А та, видя схожую судьбу своих сыновей, уморила себя голодом — то ли добровольно, то ли по принуждению. Вот как умерли Антонин и его мать Юлия, а как жили они, мы уже рассказали. Единовластно, без отца и брата, он правил в течение шести лет.

14 (1) После смерти Антонина воины оказались в растерянности и недоумении, как им быть дальше. Два дня они оставались без государя и раздумывали, кого выбрать правителем, а уже известно было, что на них идет Артабан с большим и сильным войском, намереваясь покарать их и отомстить за вероломно убитых в мирное время. (2) Сначала они выбирают государем Адвента как настоящего воина и дельного префекта, но он отказался, ссылаясь на старость. Тогда выбор падает на Макрина — а подговаривали воинов трибуны, которых и заподозрили в заговоре против Антонина и сообщничестве с Макрином, так что впоследствии, после его смерти, они понесли наказание [10], как мы расскажем об этом ниже. (3) Во всяком случае Макрин стал государем не столько по расположению и доверию к нему войска, сколько под влиянием необходимости и момента. Между тем уже подходил Артабан с очень большим и сильным войском, ведя многочисленную конницу и множество лучников, а также латников на верблюдах... извне длинными копьями [11]. (4) Когда донесли, что он совсем близко, Макрин созвал воинов и сказал следующее: «Нет ничего удивительного в том, что все вы удручены, утратив такого государя, а вернее сказать, боевого товарища; однако люди разумные должны терпеливо переносить несчастья и выпадающие им беды. (5) Память о нем непременно будет жить у вас в груди и перейдет к потомкам, неся с собой вечную славу великих и благородных дел, свершенных им, его любовной заботы о вас, трудов, перенесенных им вместе с вами. А сейчас, когда мы уже воздали должное памяти умершего и свершили положенные церемонии, самое время обратиться к неотложным делам. (6) Вы видите, что варвар идет на нас, подняв весь Восток, и считает, что у него есть убедительный повод для вражды; ведь мы вызвали его на это, нарушив договор и разбудив войну среди глубокого мира. Теперь от нашего [12] мужества и верности зависит вся Римская держава; ведь не о границах земли, не о течении рек идет теперь спор, но вообще обо всем, и великий царь хочет призвать нас к ответу за детей и родных, которые, как он считает, были нечестиво и вероломно погублены. (7) Так возьмемся за оружие и станем в тот строй, которым славятся римляне. Ведь что касается боевого построения, то беспорядочное и как попало расположенное войско варваров может стать врагом самому себе; а наши [13] стройные ряды, тесно сомкнутые и опытные в боях, станут спасением для нас и гибелью для врагов. Итак, бейтесь в доброй надежде, как это подобает, да и привычно римля-

[10] Слова «впоследствии понесли наказание» (ὕστερον γοῦν ἐκολάσθησαν) отсутствуют в части рукописей.

[11] Текст явно испорчен. Мендельсон одобряет поправку Лейснера ἄνωθεν («сверху») вместо ἔξωθεν («извне»). Ставенгаген отмечает это место крестом как безнадежное, а в критическом аппарате приводит конъектуру Шварца: ἐξ ⟨ἕδρας⟩ ὠθοῦντας («сталкивающих с сидения»).

[12] В одной части рукописей здесь читается ἡμετέρας («нашего»), в другой — ὑμετέρας («вашего»). До изданий Ставенгагена обычно принималось второе чтение. Ставенгаген предпочел первое.

[13] В рукописях разнобой: одни дают τὸ ἡμέτερον, другие τὸ ὑμέτερον. Ставенгаген и здесь принимает первое.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

нам[14]. (8) Действуя так, вы сможете отразить варваров и, снискав себе великую славу, докажете как римлянам, так и всем другим, что прошлая ваша победа одержана мощью вашего оружия, а не вероломством и хитростью». Такие приблизительно слова он произнес, а воины, видя, чего требуют от них обстоятельства, стали строиться и приготовились к бою.

15. (1) На рассвете показался Артабан с огромным своим войском. Поклонившись солнцу, как это у них принято, варвары с необыкновенно зычным криком бросились в атаку на римлян, несясь на конях и стреляя из луков. Римляне встретили варваров, четко и надежно построив фаланги, по обеим сторонам расположив конницу и мавританцев и заполнив промежутки воинами, которые могли легко и свободно выбежать вперед. (2) Благодаря множеству лучников и длинным копьям латников варвары сначала действовали успешно, поражая римлян с коней и верблюдов. Зато римляне легко одолевали в рукопашном бою, а когда кони и верблюды, которые были у варваров в огромном количестве, стали давить их, римляне, сделав вид, что отступают, начали бросать на землю трезубцы и другие железные предметы с острыми концами, которые не видны были в песке. (3) С коней и верблюдов всадники не замечали их, себе на погибель: у коней и особенно верблюдов копыто мягкое: острия, на которые они ступали, ранили их, они начинали хромать и сбрасывали с себя седоков. А тамошние варвары дерутся хорошо, пока они на конях или верблюдах, а как сойдут или окажутся сброшенными с них, легко попадают в плен, не умея вести рукопашного боя. Если же приходится бежать или преследовать, их длинные, путающиеся в ногах одежды препятствуют этому. (4) В первый и второй день сражались с утра и до вечера; пришла ночь и приостановила битву, и те и другие ушли к себе в лагерь, равно уверенные в своей победе. На том же поле они сошлись и на третий день. Имевшие значительное превосходство в числе варвары предприняли попытку окружить римлян и взять их в мешок. Тогда те перестали располагать свои фаланги в глубину, а растягивали их в ширину, тем самым предотвращая окружение. (5) Здесь погибло столько людей и животных, что все поле было покрыто целыми горами трупов, особенно потому, что падали друг на друга верблюды. Это мешало сражающимся свободно передвигаться; невозможно было разглядеть врага, потому что посредине образовалось что-то вроде большого и непроходимого вала из тел; поэтому, не имея возможности идти друг на друга [15], те и другие вернулись в лагерь.

(6) Макрин понял, что Артабан дерется так отчаянно и упорно, не иначе как думая, что его противник — Антонин: ведь обычно варвары, как только дело не удается им с первого раза, легко утомляются и отказываются от своего замысла (7), а тут, не зная, что виновник вражды умер, они собирались возобновить бой, как только уберут и сожгут мертвых. Поэтому Макрин отправляет к парфянину посольство и письменно сообщает, что императора, нарушившего договор и клятвы, уже нет в живых и что за свои деяния он понес заслуженное наказание [16], что государство вручено имеющими власть римлянами ему (8), а он не одобряет прежнее, готов выдать оставшихся у него в плену, возвратить награбленное, сменить вражду на дружбу и закрепить мир клятвами и договором. Прочтя это и узнав от послов о гибели Антонина, Артабан счел, что такого наказания достаточно тому, кто нарушил договор, а поскольку его войско было по-

---

[14] Слово Ῥωμαίοις («римлянам») отсутствует в некоторых рукописях.

[15] ἀλλήλοις («друг на друга») — исправление Шварца; рукописи дают ἄλλοις («на других»).

[16] Слова «за свои деяния... наказание» (δίκας ... δεδωκέναι) отсутствуют в ряде рукописей.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

трепано (9) и он был рад без кровопролития вызволить из плена людей и свое добро, он заключил с Макрином мир и возвратился в свою страну. А Макрин [17] вывел войско из Месопотамии и поспешил в Антиохию.

[17] Начальные слова утрачены в рукописном предании. Альдо в своем издании дополнил: ὁ δὲ ... («а тот»); Полициано — Romanus imperator («римский император»). Несомненно, имеется в виду Макрин.

КНИГА V

1 (1) О том, как Антонин правил и умер, рассказано в предыдущей книге, а также о заговоре, бывшем перед тем, и о смене власти [1]; оказавшись в Антиохии, Макрин посылает письмо римскому народу и сенату, говоря в нем так (2): «Перед вами, знающим с самого начала образ жизни, избранный мною, и направленность моего нрава к порядочности, и кротость, проявленную мною прежде при исполнении должности, которая не намного уступала возможностям и могуществу государя, поскольку и сам государь доверяется префектам претория, я считаю излишним произносить пространные речи. Ибо вы знаете, что я не одобрял то, что он совершал, и что я часто подвергался опасности ради вас в тех случаях, когда он, доверяя любой клевете, беспощадно с вами обходился. (3) И меня он бранил, публично порицая мою умеренность и человечность по отношению к управляемым, издеваясь над беспечным и слабым характером: наслаждаясь лестью, он считал своими преданными и верными друзьями тех, кто подстрекал к жестокости, раздувал его ярость и возбуждал гнев своими наветами. Мне же с самого начала милы кротость и умеренность. (4) Войну против парфян, величайшую, из-за которой сотрясалась вся Римская держава, мы завершили и тем, что мы, мужественно противостоя им, отнюдь не были побеждены, и тем, что, заключив с ними мир, великого царя, пришедшего с многочисленным войском, сделали другом вместо непобедимого врага. В мое правление все будут жить безопасно и без кровопролития, и оно будет скорее считаться аристократией, нежели единовластием. (5) Пусть никто не высказывает пренебрежения и не считает ошибкой судьбы то, что она меня, выходца из всаднического сословия, привела к этому. Ибо какая польза от благородного происхождения, если с ним не соединен порядочный и человеколюбивый нрав? Ведь дары судьбы перепадают и недостойным [2], доблесть же души каждому придает его собственную славу. Благородное происхождение, богатство и все подобное считается признаком счастья, но не заслуживает похвалы, так как оно передано от другого; (6) благожелательность же и порядочность вместе с восхищением побуждают хвалить того, кто сам достигает успеха. Какую пользу принесло вам благородное происхождение Коммода или наследование отцовской власти Антонином? Ведь получившие наследство как должное злоупотребляют им и по прихоти им распоряжаются как своим давнишним состоянием, а получившие от вас обязаны вечной благодарностью и пытаются воздать за благодеяния тем, кто их опередил в благодеяниях. (7) Благородство высокорожденных государей переходит в высокомерие вследствие презрения к подданным как к людям намного ниже их; а те, кто пришел к этому положению из среднего состояния, ценят его как приобретенное трудом; они воздают привычные уважение и почет тем, кто некогда был выше их.

[1] Слова: «... а также о заговоре, бывшем перед тем, и о смене власти...» Вольф исключил из текста; вслед за ним Беккер, Мендельсон и Ставенгаген ставят их в квадратные скобки.

[2] В этом месте («ведь дары судьбы перепадают и недостойным») текст кажется Мендельсону сомнительным (mihi dubia).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

(8) У меня цель — ничего не предпринимать без вашего мнения, имея вас сообщниками и советниками в делах правления. Вы будете жить безопасно и свободно, чего вы были лишены высокорожденными государями и что вам пытались возвратить — сначала Марк, потом Пертинакс, которые достигли высокого положения, а в младенчестве были обыкновенными людьми. Ведь лучше самому положить знаменитое начало рода и для последующих поколений, чем, унаследовав славу от предков, опозорить ее негодностью нрава».

2 (1) Когда это письмо было прочитано, сенат славословит Макрина и назначает ему все почести Августов. Не так радовало всех наследование власти Макрином, как все ликовали и всенародно справляли празднество по поводу избавления от Антонина. И каждый думал, особенно из тех, кто занимал какое-нибудь видное положение или ведал каким нибудь делом, что они сбросили висевший над их шеей меч. (2) Доносчики и рабы, которые предали своих хозяев, были распяты на кресте; и город Рим, и почти вся подчиненная римлянам вселенная, очищенная от дурных людей, так как одни были наказаны, а другие изгнаны (а если какие-нибудь и остались незамеченными, они из осторожности вели себя тихо), жили в большой безопасности и в подобии свободы тот единственный год, в который был государем Макрин. (3) Он совершил ту ошибку, что не сразу распустил лагеря и не отослал всех по их домам, а сам не поспешил в ожидавший его Рим, хотя все время народ и призывал его громкими криками; он проводил время в Антиохии, отращивая бороду, прогуливаясь больше чем следовало бы в одиночестве, очень медленно и с трудом отвечая тем, кто подходил к нему, так что часто его не слышали из-за тихого голоса. (4) Он усердно следовал в этом обыкновению Марка, но не подражал в остальном образу его жизни; он все время предавался усладам, тратя время на зрелища плясунов и исполнителей всяких видов искусства и ритмических движений, и был нерадив к делам правления. Он выходил, украшенный пряжками и поясом, разукрашенный большим количеством золота и драгоценными камнями, хотя подобная роскошь у римских солдат не одобрялась, так как считалась скорее подходящей для варвара и женщин. (5) Видя это, воины не мирились с этим и не одобряли его образа жизни — распущенного и не подобающего военному человеку; сравнивая в воспоминаниях с образом жизни Антонина, который был строгим и солдатским, они осуждали роскошь Макрина. (6) И еще они негодовали из-за того, что, проводя жизнь в палатках на чужой земле, иногда лишенные необходимых припасов, хотя, казалось, был мир, они не возвращались по своим домам; видя Макрина, проводящего жизнь в неге и роскоши, они, нарушая дисциплину, между собой бранили его и желали ухватиться за незначительный повод для устранения того, кто их огорчал.

3 (1) Было суждено, чтобы Макрин, прожив в роскоши как император один только год, утратил вместе с жизнью и власть, когда случай предоставил воинам очень маленький и ничтожный повод к исполнению того, что они хотели. (2) Была некая женщина по имени Меса, родом финикиянка, из города Финикии, носящего название Эмес, она приходилась сестрой Юлии, жене Севера, матери Антонина. В продолжение всей жизни сестры она прожила много лет, пока Север и Антонин царствовали, в императорском дворце. Этой Месе после смерти ее сестры и убийства Антонина Макрин приказал, возвратившись на родину, проживать у себя, владея всем своим имуществом. Она накопила огромное состояние, так как долгое время содержалась в условиях императорского дворца. (3) Возвратившись, старуха жила в своих владениях. Были у нее две дочери: старшая называлась Соэмия, вторая — Мамея. Были сыновья: у старшей по имени

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Бассиан, у младшей — Алексиан. Они воспитывались при матерях и при бабушке; Бассиан достиг приблизительно четырнадцати лет, а Алексиану пошел десятый год. (4) Они были посвящены богу Солнца; ведь местные жители поклоняются ему, на финикийском языке называя его Элеагабалом. Воздвигнут ему громадный храм, украшенный большим количеством золота, серебра и роскошными драгоценными камнями. Он почитается не только местными жителями, но и все соседние варварские сатрапы и цари каждый год щедро посылают богу роскошные посвящения. (5) Там нет, как у эллинов или римлян, никакой сделанной руками человека статуи, передающей образ бога; имеется там некий огромный камень, снизу закругленный, кончающийся острием, форма у него конусообразная, цвет же черный. Они торжественно заявляют, что он упал с неба, показывают какие-то незначительные выступы и вмятины от удара; они хотят, чтобы это было нерукотворное изображение солнца — так им хочется видеть [3]. (6) Бассиан, являвшийся жрецом этого бога (ему, как старшему, был вверен культ), выступал, одетый по-варварски, препоясав златотканые хитоны, пурпурные, с рукавами и спускавшиеся до пят, покрыв обе ноги от ногтей до бедер одеждами, также разукрашенными золотом и пурпуром; голову украшал венок, расцвеченный блеском роскошных драгоценных камней. (7) Был он в цветущем возрасте и красивейшим из всех юношей своего времени. Вследствие того что в нем соединялись телесная красота, цветущий возраст, пышные одежды, можно было сравнить юношу с прекрасными изображениями Диониса.

(8) Когда он священнодействовал и плясал у алтарей по обычаю варваров под звуки флейт и свирелей и аккомпанемент разнообразных инструментов, на него более чем с обычным любопытством взирали прочие люди, а более всего воины, знавшие, что он царского рода, да и к тому же привлекательность его притягивала к себе взоры всех. (9) Тогда по соседству с этим городом находился громаднейший лагерь, который ограждал Финикию; впоследствии он был перемещен, как мы скажем дальше. И вот воины, часто бывая в городе, заходили в храм для поклонения и с удовольствием взирали на юношу. Некоторые из них были клиентами Месы и находились под ее покровительством; (10) она им, когда они восхищались мальчиком, сказала, то ли выдумывая, то ли говоря правду, что он в действительности по рождению сын Антонина, хотя по неосновательному мнению слывет сыном другого, ибо Антонин часто посещал ее дочерей, которые были юными и прекрасными, в то время, когда она жила с сестрой во дворце. Те, слыша это и постепенно сообщая сотоварищам, распространили этот слух, так что он разошелся по всему войску. (11) Поговаривали, что у Месы груды денег, что она все охотно отдала бы воинам, если бы они помогли вернуть ее семейству императорскую власть. После того как они согласились ночью, если те тайно придут, открыть ворота и принять в лагерь все семейство и провозгласить Бассиана государем и сыном Антонина, старуха уступила, предпочитая подвергнуть себя всяческой опасности, нежели жить частным человеком и слыть впавшей в ничтожество; ночью она тайком вместе с дочерьми и внуками выбралась из города. (12) Когда воины из клиентов привели их, придя к стене лагеря, и они без труда были приняты внутрь, тотчас же весь лагерь назвал юношу Антонином; облекши его в пурпурный плащ, они держали его внутри лагеря. Доставив внутрь все необходимое, также детей и женщин и все то, что они имели в соседних деревнях

[3] Рукописное чтение: βλεποντες (букв. «видя») Шварц исправляет на: βλεπειν ἐθελοντες (букв. «желая видеть»). Ставенгаген принимает поправку Шварца.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

и на полях, и заперев ворота, они приготовились в случае необходимости выдержать осаду.

4 (1) Когда об этом было сообщено Макрину, проводившему время в Антиохии, молва, что сын Антонина нашелся и что сестра Юлии раздает деньги, обошла уже прочие лагеря; веря, что все, о чем говорят, является возможным и истинным, воины были в сильном возбуждении. (2) Их склоняли и подстрекали к государственному перевороту и ненависть к Макрину, и горесть при воспоминании об Антонине, и прежде всего ожидание денег, вследствие чего многие, перебегая, приходили к юному Антонину. Макрин, относясь к этому с пренебрежением, как к чему-то ребяческому, находясь в состоянии привычного легкомыслия, сам остается дома и посылает одного из начальников лагеря, дав ему силу достаточную, по его мнению, для того, чтобы очень легко уничтожить восставших. (3) Когда Юлиан (таково было имя начальника) прибыл и атаковал стены, воины изнутри, взойдя на башни и к крепостным зубцам, показали войску, осаждавшему снаружи, мальчика и, славословя сына Антонина, показали им кошельки, полные денег,— приманку для предательства. (4) Поверив, что он дитя Антонина и весьма на него похож (так им хотелось видеть), они отсекают голову Юлиану и посылают ее Макрину; сами же они все, когда им открыли ворота, были приняты в лагерь. Возросшая таким образом сила оказалась не только вполне способной обороняться против осады, но и сражаться грудь с грудью в открытом бою; к тому же множество перебежчиков, хотя и приходивших небольшими количествами, непрестанно умножали силу.

(5) Узнав об этом, Макрин, собрав все имевшееся у него войско, пошел, чтобы осадить тех, кто присоединился к Антонину. Последний вследствие того, что его воины не хотели подвергнуться осаде, но решились со всей готовностью выступить и, встретившись с Макрином, сразиться в открытом бою, выводит свою силу. (6) Войска встретились друг с другом на границе Финикии и Сирии, причем сторонники Антонина сражались с готовностью, боясь в случае поражения подвергнуться мщению за то, что они содеяли; сторонники же Макрина нерадиво принимались за дело, убегая и переходя к Антонину. (7) Видя это и устрашившись, что, совершенно лишенный силы и взятый в плен, он мог бы потерпеть позорнейшее поругание, Макрин во время сражения уже с наступлением вечера, сбросив короткий плащ и всю бывшую на нем императорскую одежду, тайно убегает с немногими центурионами, которых он считал самыми верными; бороду он срезал, чтобы не быть узнанным, одежду взял дорожную и голову все время покрывал. (8) Двигался он и ночью и днем, опережая молву о его несчастье, а центурионы с большой поспешностью гнали повозки, как если бы они были посланы еще царствующим Макрином ради каких-то важных дел.

Итак, он, как было сказано, бежал; войска с обеих сторон сражались, за Макрина — телохранители и копьеносцы, которых называют преторианцами,— они достойно сопротивлялись всему другому войску, так как отличались очень высоким ростом и были отборными воинами; вся остальная масса сражалась за Антонина. (9) Так как сражающиеся за Макрина долго не видели ни его, ни императорских знаков отличия, они начали недоумевать, где бы он мог находиться: среди ли массы лежащих или, убежав, скрылся, и не знали, как им поступить в сложившихся обстоятельствах, ибо не желали сражаться за отсутствующего, а сдаться в качестве военнопленных стыдились. (10) Когда же Антонин узнал от перебежчиков о бегстве Макрина, он, послав глашатаев, объявляет им, что они тщетно сражаются за труса и беглеца, и клятвенно обещает безопасность и прощение и приглашает их быть его телохранителями. Они, по-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

слушавшись, присоединились к нему; Антонин же посылает погоню за Макрином, который далеко ушел вперед. (11) Схвачен он был в Халкедоне, в Вифинии, тяжело больной и изнуренный непрерывной ездой. Там, найдя его, скрывавшегося в каком-то предместье, преследующие отрубили ему голову. Говорили, что он спешил в Рим, полагаясь на усердие народа по отношению к нему; переправляясь в Европу через узкий пролив Пропонтиды, уже приближаясь к Византию, он, говорят, был застигнут встречным ветром, и ветер вернул его назад — к наказанию. (12) Макрин чуть было не ускользнул от преследовавших и имел позорный конец, слишком поздно пожелав отправиться в Рим, тогда как это следовало сделать с самого начала. Ему одновременно изменили и рассудок и счастье.

Таков был конец Макрина; вместе с ним был убит и сын, которого он сделал Цезарем, назвав его Диадуменианом.

5 (1) Когда все войско, перейдя к Антонину, объявило его государем, он принял на себя власть, причем настоятельные дела на Востоке были приведены в порядок для него бабкой и бывшими с ним друзьями (ибо сам он был юн возрастом, в делах несведущ и необразован); недолго помедлив, он начал подготовлять отъезд, так как Меса очень торопилась в привычный для нее дворец в Риме. (2) Когда сенату и римскому народу было сообщено о случившемся, все с огорчением выслушали это, но подчинились необходимости, так как войско предпочло этот исход. Макрина обвиняли в беспечности и в изнеженности нравов и говорили, что виновен не кто-нибудь другой, но сам он по отношению к себе.

(3) Антонин, отправившись из Сирии и прибыв в Никомедию, там зимовал — так требовало время года. Сразу же он предался неистовству и, справляя культ местного бога, в котором он был воспитан, с упоением плясал, одеваясь в самые пышные наряды, украшая себя золочеными пурпурными тканями, ожерельями и браслетами, надев венец в виде тиары, покрытой золотом и драгоценными камнями. (4) Одежда у него была чем-то средним между финикийским священным одеянием и мидийским пышным нарядом. Ко всякой римской и эллинской одежде он испытывал отвращение, говоря, что она сделана из шерсти, вещи дешевой; его удовлетворяли только ткани серов. Он выступал под звуки флейты и тимпанов, якобы священнодействуя в честь бога.

(5) Меса, видя это, сильно огорчалась, настаивая, она пыталась уговорить его, чтобы он переоделся в римское платье, раз он готовится вступить в Рим и войти в сенат, чтобы и иноземная и совершенно варварская одежда, когда ее увидят, сразу же не оскорбила увидевших ее, так как они непривычны к ней и думают, что такого рода утонченность к лицу не мужчинам, а женщинам. (6) Он же, презрев речи старухи, не слушаясь никого другого (он ведь ни с кем не соглашался, если только это не были люди одинаковых с ним нравов и льстиво восхвалявшие его проступки), желая и сенат и римский народ приучить к виду такой одежды и в свое отсутствие испытать, как они переносят вид этой одежды, сделал свой огромный портрет во весь рост, каким он являлся, выступая и совершая священнодействия, поставив на картине изображение местного бога, которому он совершал жертвоприношение; (7) послав изображение в Рим, он приказал выставить его в самой середине помещения сената, на самом высоком месте, над головой статуи Победы, которой [4], сходясь в сенат, каждый сенатор воскуряет ладан и совершает возлияние вином. Он при-

[4] Перевод дается с учетом поправки Мендельсона, принятой Ставенгагеном: ᾧ вместо рукописного ὡς.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

казал, чтобы все римские должностные лица при совершении каких-либо общественных жертвоприношений прежде других богов, которых они призывают, священнодействуя, называли нового бога Элеагабала. Когда же Антонин прибыл в Рим в описанной выше одежде, приученные картиной, римляне не увидели ничего неожиданного. (8) Произведя обычную раздачу народу по случаю наследования императорской власти, щедро и пышно устроив разнообразные зрелища, построив очень большой и прекраснейший храм богу, соорудив вокруг храма большое количество алтарей, он, выходя каждое утро, закалывал и возлагал на алтари гекатомбы быков и огромное число мелкого скота, нагромождая различные благовония и изливая перед алтарями много амфор очень старого превосходного вина, так что неслись потоки вина, смешавшиеся с кровью. (9) Вокруг алтарей он плясал под звуки различных музыкальных инструментов; вместе с ним плясали женщины, его соплеменницы, пробегая вокруг алтарей, неся в руках кимвалы и тимпаны; весь сенат и сословие всадников стояли кругом наподобие театра. Внутренности принесенных в жертву животных и благовония в золотых сосудах несли над головой не слуги или какие-нибудь простые люди, (10) а начальники лагерей и ведавшие важнейшими государственными делами; они были одеты в хитоны с пурпурной полосой посередине, спускавшиеся до пят и имевшие рукава по финикийскому обычаю; на них были сандалии, сделанные из льна, как у пророков в тех местах. Он считал, что оказывает величайшую почесть тем, кому он позволяет принимать участие в священнодействии.

6(1) Хотя и казалось, что он посвящает все свое время пляскам и священнодействиям, он все же казнил большое число знатных и богатых людей, на которых ему донесли как на неодобряющих и высмеивающих его образ жизни. Он взял себе в жены самую благородную из римлянок, которую провозгласил Августой, а спустя короткое время отослал, приказав жить частным человеком и лишив почестей. (2) После нее, притворившись влюбленным, чтобы показать себя мужчиной, он похитил у Гестии из священного обиталища весталок и сделал своей женой девушку, несмотря на то что она была жрицей римской Гестии и что ей было велено согласно священным законам пребывать непорочной и до конца жизни оставаться девственницей; сенату он написал послание и оправдывал нечестивый поступок и столь великое прегрешение, сказав, что испытал человеческую страсть; он будто бы был охвачен любовью к деве, а брак жреца и жрицы является пристойным и благочестивым. Однако и эту он спустя непродолжительное время отослал и взял в жены третью, возводившую свой род к Коммоду.

(3) Он забавлялся браками не только человеческими, но и богу, жрецом которого он был, искал жену; почитаемую римлянами скрытую и невидимую статую Паллады он перенес в свою опочивальню; ее, которую не сдвигали с тех пор, как она прибыла из Илиона, исключая тот случай, когда храм был истреблен огнем, он сдвинул и принес во дворец для брака с богом. (4). Сказав, что его бог недоволен ею как богиней войны, носящей полное вооружение, он послал за статуей Урании, которую чрезвычайно почитают карфагеняне и обитатели Ливии. Говорят, что ее поставила финикиянка Дидона, когда она, разрезав воловью шкуру, основала древний город Карфаген. Ливийцы называют ее Уранией, финикийцы же именуют Астроархой, желая отождествить ее с луной. (5) И вот, утверждая, что брак солнца и луны является вполне подходящим, Антонин послал за статуей и за всем золотом оттуда и приказал, чтобы собрали вдобавок огромную сумму денег на приданое богине. Привезенную статую он выдал замуж за бога, приказав всем людям в

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Риме и Италии предаться всенародно и частным образом всевозможному веселью и пиршествам, так как боги вступали в брак.

(6) В предместье он соорудил очень большой и роскошнейший храм, в который ежегодно в разгар лета привозил бога. Он затевал разнообразные пиршества; построив ипподромы и театры, он полагал, что увеселяет угощаемый и предающийся празднествам народ конными состязаниями и всякими усладами зрения и слуха в огромном количестве. Поставив самого бога на колесницу, разукрашенную золотом и драгоценными камнями, он вывозил его из города в предместье. (7) Колесницу везла шестерка белых коней, огромных и без единого пятна, украшенных в изобилии золотом и разноцветными бляхами; вожжи никто не держал, и на колесницу не всходил человек, вожжи были наброшены на бога, как будто возничим был он сам. Антонин бежал перед колесницей, отступая перед ней, глядя на бога и держа узду коней; он совершал весь путь, пятясь назад и глядя вперед на бога. (8) Чтобы он не споткнулся и не поскользнулся, не видя, где он ступает, было насыпано много золотого песка, а телохранители с обеих сторон удерживали коней, заботясь о его безопасности во время такого бега. Народ же бежал с обеих сторон, неся разнообразные факелы, бросая венки и цветы; статуи всех богов и все, какие только были пышные или [5] ценные приношения, все императорские знаки и ценные сокровища, а также всадники и все войско предшествовали богу. (9) Привезя бога и поставив в храме, Антонин совершал описанные выше жертвоприношения и священнодействия; воздвигнув очень большие и высокие башни и взойдя на них, он бросал толпам, позволяя всем расхватывать, золотые и серебряные кубки, разнообразные одежды, ткани и всяких домашних животных, кроме свиней,— от этих последних он по обычаю финикийцев воздерживался. (10) Во время расхватывания многие погибали, растаптываемые другими и натыкаясь на копья воинов, так что его праздник многим принес горе. А его часто видели правящим колесницей или пляшущим — совершая неподобающее, он не желал скрываться. Он выходил, подведя глаза и нарумянив щеки, портя красивое от природы лицо безобразными красками.

7 (1) Видя это и подозревая, что воинам не нравится подобная жизнь государя, и опасаясь, что ей снова придется вернуться к частной жизни, если с ним что-нибудь случится, Меса убеждает его, юношу вообще легкомысленного и неразумного, усыновить и объявить Цезарем своего двоюродного брата, ее внука от второй дочери Мамеи, (2) сказав ему приятное, что ему следует заниматься жречеством и культом, предаваясь религиозным исступлениям, оргиям и божественным делам, но должен быть другой, кто бы ведал человеческими делами и предоставил ему те дела государя, которые не требуют забот и хлопот; не надо искать чужого и постороннего, а лучше вручить это двоюродному брату. (3) Алексиан переименовывается и называется Александром, причем дедовское имя было изменено на имя македонянина, очень знаменитое и весьма почитаемое их мнимым отцом; ведь обе дочери Месы и сама старуха отныне гордились прелюбодеянием Антонина, сына Севера, для того, чтобы воины любили детей, считавшихся его сыновьями.

(4) Александр объявляется Цезарем и консулом вместе с самим Антонином. Придя в сенат, Антонин утвердил это, и сенаторы смехотворно постановили то, что было им приказано,— считать того, достигшего приблизительно шестнадцати лет, отцом, а Александра, вступившего в двенадцатый год, сыном. Когда Александр был объявлен Цезарем, Антонин пожелал

[5] Слово «или» (ἤ) вставлено в текст Шварцем; поправка принята Ставенгагеном.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

обучать его своим занятиям — плясать, водить хороводы и принимать участие в исполнении жреческих обязанностей в таких же одеяниях и в таких же действиях. (5) Но мать Мамея отвращала его от занятий, постыдных и неприличных государям, она тайно приглашала учителей всяких наук, занимала его изучением разумных предметов, приучала к палестрам и мужским телесным упражнениям и давала ему эллинское и римское воспитание. Антонин очень сердился на это и раскаивался в том, что сделал его сыном и участником правления. (6) Всех его учителей он прогнал из императорского дворца, а некоторых из них, самых знаменитых, казнил или осудил на изгнание, предъявляя самые смехотворные обвинения, будто они развращают ему его названного сына тем, что не позволяют водить хороводы и принимать участие в религиозных исступлениях, и тем, что вразумляют его и учат тому, что достойно мужчин. Он впал в такое сумасшествие, что всех актеров со сцены и из общественных театров перевел на высшие государственные дела; префектом претория он назначил какого-то человека, бывшего в молодости плясуном и публично плясавшего в римском театре; (7) возвысив таким же образом и другого со сцены, он назначил его руководить воспитанием юношества, следить за благонравием и проверять всех вступающих в сенат или в сословие всадников. Возницам, комическим и мимическим актерам он доверил важнейшие из императорских поручений. Рабам же своим или вольноотпущенникам в меру их известности в постыдных делах он доверил проконсульскую власть над провинциями.

8 (1) Вследствие того, что таким образом все, прежде считавшееся почтенным, было нагло и безумно попрано в вакхическом исступлении, все люди и особенно воины испытывали досаду и огорчение; они чувствовали отвращение к нему, видя его с лицом, нарумяненным более тщательно, чем это подобает даже скромной женщине, не по-мужски украшенного золотыми ожерельями и изысканными одеждами; плясавшего так, чтобы все его видели. (2) Поэтому они более благосклонно обращали свои мысли к Александру и возлагали лучшие надежды на мальчика, прекрасно и разумно воспитывавшегося. Они всячески оберегали его, видя, что Антонин злоумышляет против него. Мать Мамея не позволяла мальчику принимать какое-нибудь питье или пищу из того, что посылал Антонин; мальчик пользовался услугами поваров и виночерпиев не императорских и находившихся на общей службе, а выбранных его матерью и считавшихся наиболее надежными. (3) Она незаметно давала деньги для тайной раздачи воинам, чтобы привлечь к Александру расположение и при помощи денег, к которым они более всего привязаны.

Узнав об этом, Антонин всяческими способами начал злоумышлять против Александра и его матери; но все козни отвращала и предупреждала их общая бабка Меса, женщина во всех отношениях опытная, многие годы прожившая в императорском дворце как сестра Юлии, жены Севера, и вместе с ней проводившая все время во дворце. (4) Ничто из замыслов Антонина не укрывалось от ее внимания, так как он с рождения был вздорным и без утайки открыто говорил и делал все, что замышлял. Так как злой умысел ему не удался, он пожелал лишить мальчика почестей Цезаря, и Александра уже не видели [6] ни при утренних приветствиях, ни во время выходов. (5) Воины, однако, требовали его и возмущались тем, что он был удален от власти. Антонин распустил слух, будто Александр находится при смерти — он производил опыт, как воины воспри-

[6] Перевод дается с учетом принятой Ставенгагеном поправки Мендельсона, основанной на чтение некоторых рукописей (ἑωρᾶτο); Ставенгаген ошибочно приписывает эту поправку Шварцу. До Мендельсона издатели принимали другое рукописное чтение (ἐτιμᾶτο — «почитали»).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

мут эту новость. Они же, не видя мальчика и потрясенные слухом, вознегодовав, не послали Антонину обычную стражу и, запершись в лагере, пожелали увидеть Александра в храме. (6) Антонин, охваченный большим страхом, взяв Александра и усевшись вместе с ним в императорские носилки, которые были разукрашены обильным золотом и драгоценными камнями, прибыл вместе с Александром в лагерь. Когда воины, отперев ворота, приняли их и привели в храм лагеря, они с воодушевлением приветствовали и славословили Александра, к Антонину же относились невнимательно. (7) Сердясь на это и переночевав в храме лагеря, он очень негодовал и гневался на воинов; тех, кто очень заметно и с воодушевлением славословил Александра, как виновников мятежа и беспорядка он велел арестовать для наказания. (8) Воины, возмущенные этим и вообще ненавидя Антонина и желая устранить непристойно ведшего себя государя, а теперь еще полагая нужным помочь арестованным, находя случай удобным и предлог справедливым, самого Антонина и его мать Соэмию (она присутствовала как Августа и мать) убивают, а также всех из его окружения, которые были схвачены внутри лагеря и слыли прислужниками и сообщниками его проступков. (9) Тела Антонина и Соэмии они позволили тащить и бесчестить всякому желающему; после того как их долго тащили по всему городу, изуродованные, они были брошены в сточные воды, которые текут в реку Тибр.

(10) Антонин на шестом году царствования, отличавшийся указанным выше образом жизни, так погиб вместе со своей матерью; воины же, провозгласив Александра императором, привели его во дворец, совершенно юного и всецело еще руководимого матерью и бабкой.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ